

Глава 2. Школа, внимание - закрытие.

На следующий день, направляясь в школу, я сел в уже привычный поезд, идущий по линии Такасаки. Поезд, окрашенный в оранжевый и темно-зеленый цвета, походил на мандарин с листочками; он плавно въехал на станцию. Он — серии 115 — оставался таким же, каким я запомнил его еще в детстве.

Поезд шел по маршруту из сельского пригорода в сторону Омии и как всегда был забит пассажирами до предела. Родители получали стабильную достойную зарплату, но, загоревшись идеей собственного гнездышка, купили дом в пригороде, весьма далеко от школы. И потому, проехав часть пути на поезде, я еще некоторое расстояние шел пешком - и в итоге весь путь занимал около полутора часа. Конечно, старшие школы были и вблизи дома, но в округе Канто только одна железнодорожная школа, так что выбора у меня не оставалось.

По дороге от станции до школы я встречал учащихся моей школы, о чем-то бурно беседующих. Обычно школьники разговаривают о спорте, развлечениях или сериалах, но в нашей школе топовой новостью, наверняка, станет вчерашнее происшествие. У многих здесь родители связаны с железнодорожной сферой, поэтому можно было услышать такие детали, о которых и в новостях не расскажут, типа "А ты знаешь, что то оружие..."

Я шел в школу всегда один. Нет, это вовсе не значит, что у меня нет друзей, просто с утра мне не особо хочется, с кем-то вот так лепетать. Тихо прогуливаясь по привычному маршруту и нацепив наушники, я слушаю скинутую на смартфон музыку. Сегодня треки в жанре техно. Но это не работы какого-нибудь известного иностранного исполнителя, а замиксованные звуки движения железнодорожных составов и объявлений кондуктора.

По правде говоря, я не сам пришел к подобному; об этом мне рассказал один из друзей. Звать того друга Торитецу (прозвище «Железная птица»). И этот человек просто обожает звуки движущихся составов. Торитецу всегда носил с собой диктофон, на который и записывает все, что связано с поездами, как снаружи, так и внутри. Потом с нетерпением бежит домой и обрабатывает полученное на компьютере. После этого садился в кресло, некогда бывшего креслом машиниста в самом первом синкансене, и слушает записи через большой динамик. За пеший путь я прослушал примерно восемь таких мелодий.

Я вынул из кармана карточку.

На входе были установлены автоматические двери. Люди по очереди подходят к ним и прикладывают карточку к терминалу; тот срабатывает на IC-карту KOKUKA и раздается сигнал "Пин-пон!", совсем как на правильный ответ в викторине, и потом раскрываются двери.

Эта система KOKUKA весьма удобная замена пассажирским билетам, но в Канто пока что лишь несколько станций могут использовать ее, и даже в пришкольной станции действует обычная касса.

Я слышал, что KOKUKA впервые ввели в Кансае, чтобы составить конкуренцию частным

железнодорожным компаниям, использовавшим карты PANDA. Они похожи, но использовать одну карту вместо другой нельзя. Было бы отлично, если существовали бы какие-нибудь партнерские отношения, но перспектив этому я пока не вижу.

В фойе висел плакат с лозунгом «Максимальное расхождение с расписанием — 15 секунд! Работники железных дорог должны следовать расписанию!» Железнодорожные компании подходили к вопросам распорядка со всей строгостью, поэтому и в школе весьма тщательно следили за этим.

Я передел обувь, поднялся на второй этаж и вошел в класс. Дойдя до своего места, я скинул сумку и сел на место. По утрам в классе всегда шумно. Я удивляюсь, как у одноклассников находится столько тем для разговоров, ведь они только вчера виделись? «Хотя бы сегодня про учебу говорили...» - я потянулся, прогоняя сонливость. В этот момент подошел Торитецу, встав передо мной и взглянув в лицо.

— У тебя какое-то беспокойное выражение лица. Влюбился, что ли?

— Нет. Такой же, как и всегда, — отмахнулся я.

— М-м, хм, — девушка взглянула на меня с сомнением.

Сассё Мари. Это и есть тот самый Торитецу, о котором я ранее упоминал. Вы, наверняка, подумали, что это парень, не так ли? Но в последнее время и среди девушек появилось много любителей железных дорог.

Нося с собой маленький диктофон розового цвета, Сассё часто путешествовала по Японии, записывая звуки поездов и все прочее, что связано с поездами.

В этой школе немало таких фанатов. Я, конечно, тоже люблю поезда, но эти железнодорожные отаку просто помешаны на поездах, поэтому мне не очень хотелось с ними связываться...

— Правда, звуки движущихся поездов — это настоящая музыка? — Сассё же хватало просто записывать и слушать эти звуки поездов, поэтому наше общение получалось достаточно легким.

Кстати говоря, узнав об этом необычном хобби, я расспросил ее и насчет того самого кресла. Сассё ответила, что в отличие от простого кресла у этого «иная реверберация». Остальные увлечения Сассё не отличались от того, чем занимались обычные девушки: кулинария, шитье и так далее, но, услышав про звуки поездов, я невольно воскликнул: «Не может быть такого хобби». Если ей так нравятся звуки, могла бы пойти в музыкальную школу, думал я, хотя работа служащего в вагоне-ресторане ей однозначно подойдет. Да и выбрала она клуб чайной церемонии, который я относил к обычным, в отличие, от моего — связанного с исследованием

паровозов.

— Сассё, а с тобой уже говорили о практике?

— Э-э... неужели по мне так заметно? — взглянула она с беспокойством.

— Ну за что! — вскрикнул я и сразу смутился такой реакции.

— Я же ведь просто проводница, вот нас раньше и отправляют. Так что все впереди, — успокаивала она.

— Думаешь?

— Так все-таки ты не поменял решение попасть в Компанию?

— Угу... — выдохнул я. По правде говоря, мне не хотелось, чтобы окружающие знали об этом. Многие хотели устроиться на работу в Компанию, а я ведь имел всего лишь среднюю успеваемость.

— Ну да, тут есть о чем беспокоиться.

— Я не совсем это ввиду, просто... о, скоро звонок.

Через окно я взглянул на входные ворота.

Из динамика начал доноситься голос:

- Запуск-к-к, в школу-лу, будьте осторожны-ны...

Последняя возможность для тех, кто опаздывал. И опаздывавшие студенты, услышав это сообщение, изо всех сил рванули к входу. Но было поздно.

Динь! Дон! Динь!

Пип. Пип. Пип.

«А, никак» «Но почему? Звонок же только прозвенел?!» — печальные возгласы смешивались с сигналами ошибки. После звонка автоматический терминал на любое прикладывание карты КОКУКА отвечал знаком «Нет». Вход был воспрещен. Все опоздавшие школьники шли через дополнительные двери в правой стороне, где их фиксировали и позже записи отправляли в базу данных опоздавших.

— Потеря одной секунды, — говорил директор, — это не просто потеря секунды одним человеком, а потеря секунды для всех людей в этой системе. Так, вас в классе тридцать пять человек, значит, потеря равна тридцать пяти секундам. А представьте, пропускной пункт на станцию, который за пятьсот тысяч секунд пропускает пятьсот тысяч пассажиров.

Директор продолжал объяснять, почему опоздание — это плохо. Кстати говоря, а пятьсот тысяч секунд — это сколько дней? В общем, речь директора сводилась к тому, что независимо от того, какое ты место занимаешь в системе железных дорог, — опаздывать нельзя.

В конечном счете, в тот день я так и не смог сосредоточиться на занятиях: меня волновала квалификационная практика. На некоторое время я оказался в класс один. Но вскоре решил, что стоит хотя бы в клубе показаться.

Если бы к нам пришел учащийся из обычной школы и взглянул на местные клубы, то воскликнул бы «Это еще что?!» Здесь есть как клубы общего типа, например, клуб путешествий на поездах или железнодорожный клуб, так и гораздо специализированные, вроде сообщества изучения местных железнодорожных линий, «сообщество Судзия» и так далее. Некоторые клубы работали с самого утра, но тот, в который входил я, был не столь фанатичен.

Выйдя из класса, я наткнулся на учителя Фукутияма.

— О, Такаяма. Как раз вовремя.

«Неужели то самое?..»

— Учитель, вы насчет практики? — сразу спросил я.

— А... эмм... да, верно, — уклончиво ответил Фукутияма.

Потом учитель повернулся и направился к кабинету. Я последовал за ним. «Пришел! Наконец-то! И мой черед!» — подпрыгивал я от радости, мысленно предвкушая долгожданный час.

Учителю Фукутияме в этом году исполнилось пятьдесят четыре года, но он явно не хотел этого признавать. Жиденькие волосы он разделял на семь частей и разглаживал их по сторонам. Чувствовался сильный запах одеколона. «Это бонд», — говорил он. Но всегда в одном и том же сером костюме. Я даже удивился, узнав, что он купил пять одинаковых костюмов и носил их как в зимнюю, так и летнюю пору.

Мы дошли до конца коридора на первом этаже и зашли в кабинет, никем не использовавшийся. Половина класса была заставлена различными учебными материалами, вроде пантографов или макетов, которые использовались на учебных занятиях. Это был своего рода склад, но также здесь проводили инструктажи перед практическими занятиями.

— Садись, — надев очки, Фукутияма указал на стул.

Я тут же сел. Учитель также взял стул и сел напротив.

— Так вот... это по поводу практики в Компании... — вкрадчиво начал он.

— Да! — воскликнул я, смотря на него щенячьим взглядом.

— Претендентов было много... но они не подходят... только ты... — продолжал он. — Поэтому запрос из Компании по программе ОЈТ прибыл раньше...

«К чему эти лишние объяснения?! Плевать мне! Я согласен!»

- Да! Спасибо большое! — благодарил срывающимся от радости голосом.

«Ура-а!» Я наконец на шаг ближе к мечте. Будь учитель рядом, я кажется обнял бы его. Никогда раньше я не испытывал такого чувства радости.

Но градус радости снизился разом. «Только я один?..»

Компания «Японские национальные железные дороги»- это престижнейшая компания, куда многие стремились попасть. Даже в классе, хотя об этом они и не говорили в открытую, многие хотели устроиться на работу именно туда. Кроме того, я слышал, что за время экономического кризиса в компании сильно снизили набор. Раньше туда поступали на практику куда больше людей.

Я знал, что в Компании снизили этот показатель до пятидесяти человек, но все оказалось, куда серьезнее.

Но наверняка, был кто-то лучше, чем я.

И поэтому я спросил: «Почему?»

Стоит заметить, для нынешнего отбора нужно было пройти экзамен и написать эссе. Но так ли я был хорош? Неужели тех десяти листов рукописного текста было достаточно?

Темой эссе поставили вот такой вот вопрос: «Чтобы вы сделали с железнодорожной линией, которая не приносит доход?» Я потратил всю ночь, переписав эссе четыре раза. Напряжение было таким, что я карандашом, буквально, растирал бумагу до дыр. В конце концов, я не придумал ничего иного, как написать, что «железнодорожные линии, которые не приносят

пользы, должны быть закрыты». До сих пор не закрывшая ни одну линию компания, наверняка, посчитала бы такого студента опасным и на вряд ли бы дала ему путь в свои ряды. К тому же, я писал, исходя из мысли, что приватизация в будущем будет все-таки совершена.

Тогда критериями для закрытия я предложил: 1) Если рабочий путь линии меньше ста километров, то смысла в ней мало; 2) Если постоянный поток пассажиров в две стороны меньше трех тысяч или грузопоток меньше шестисот тонн; 3) Если на этой линии много автобусов, судов и иного транспорта, которым отдают предпочтение пассажиры. В итоге я пришел к мнению, что стоит, например, закрыть 83-й маршрут. Может быть, я предугадал, что они собираются переходить к таким мерам? И, возможно, поэтому и выбрали меня кандидатом?! В моей голове сразу стали мелькать планы на будущее.

«Юху-у, я иду к тебе! Компания моя!»

— Такаяма! Такаяма! — из царства грез меня вырвал громкий голос учителя.

— Да-да, я слушаю вас.

Учитель вернулся на место.

— А-то зову, зову, а ты не откликаешься. С тобой все в порядке?

Замечтавшись, я, видимо, совсем не слышал голоса учителя.

— И все же... я для начала должен переговорить с тобой, — сказал Фукутияма. Я заметил, что сегодня он прямо не свой; учитель отличался молчаливостью.

— Что такое? — спросил я. — Если меня принимают в Компанию, я способен на все! — и в этом порыве я хлопнул руками по столу.

— Понятно... значит, договорились?

Учитель достал лист из конверта и подал мне. Я принял его и прочитал пять строчек меньше, чем за секунду.

«А?!» — от удивления я даже потерял дар речи.

Я перечитал письмо еще раз, медленно и тщательно вчитываясь.

— Это что... еще?.. — вскочил я со стула так, что тот откатился к выходу.

Бах! — от ударов по столу подпрыгивали письменные принадлежности.

Но учитель никак на это не реагировал.

— Что школа вообще делает?! Это вы задумали?!

— Нет-нет, не мы принимаем решения.

«Эй! Нечего так затылок чесать, будто вы не причем!»

— Учитель, вы же человек, и сделать такое! — сокрушался я.

— Такаяма... успокойся.

«Да как я могу успокоиться! — кричал я про себя. — А я еще думал, что вы — хороший человек, учитель Фукутияма!» Я не мог сдержать ярость.

— А вы! Вы бы согласились?! Согласились бы, бондоголовый?!

На этот раз подскочил сам учитель, опрокинув стул.

— Слушай, Такаяма! — свел он сурово брови и стукнул по столу. — Раз в Компании решили принять нашего учащегося на такую квалификацию, мы можем лишь ответить: «Да, мы согласны».

Я удивился, что всегда молчаливый учитель способен так орать.

— Но, учитель, — пытался я возразить, — вы же можете что-нибудь сделать?

— А мне-то откуда знать! — снова он стукнул по столу. — Не учителя принимают такие решения!

«Что? Что он только что сказал? Ведь в школе он весьма влиятелен...»

Мы одновременно опустили плечи и отдышались.

Мне, конечно, всегда казалось, что есть некое управление сверху, но услышать это напрямую от учителя, было шоком. Получается, что ни школа, ни учителя вообще не решали, кто именно и в качестве кого отправится работать в компанию...

Учитель поднял стул и сел.

— Ты тоже сядь, — приказал он.

Бессильный я подчинился.

Учитель поднял письмо с пола и еще раз прочитал вслух:

— Уважаемый Такаяма Наото, мы принимаем вашу заявку на получение квалификации по программе ОЖТ. Вашим местом назначения станет «Главное управление железнодорожного транспорта - Железнодорожные силы общественной безопасности».

Конечно, меня брали на стажировку в Компанию, но в отдел по борьбе с преступностью на железных дорогах. Увеличение этой самой преступности началось после войны и продолжало увеличиваться, поэтому и создали организацию по борьбе с ней, но при этом не относящуюся к

полиции. И тем не менее, силы безопасности железных дорог имели все права полицейских. То есть, это своего рода единственная железнодорожная полиция. Сейчас ее штат насчитывал около трех тысяч человек. Кстати говоря, те, которых я видел вчера, относились к элитному подразделению этой организации. «И все же... как же моя скучная жизнь машиниста... стабильная и спокойная жизнь...»

— Да, я говорил, что хочу работать в Компании, но я хочу быть машинистом, не полицейским...
— произнес я бессильным голосом.

— Понимаю... ну, значит, если ты и откажешься, то для тебя это не так уж страшно. Ведь это совсем не соответствует твоим ожиданиям, — говорил учитель спокойным тоном. — Но... в этом году набор завершен и в ближайшем будущем не предвидится, и если ты откажешься сейчас, то в следующий раз можешь даже не надеяться попасть на стажировку в Компанию.

— Э?!

«Эй! Не смейте вот так ставить крест на жизни другого человека!»

— А ты что думал? Конечно же, если человек, которому компания отправила подобное предложение о получении квалификации на работу в ней, отказывается, то его просто добавят в черный лист и вычеркнут из списка возможных кандидатов. Тогда хоть ты век учись в нашей школы, а работы в ней тебе не видать.

— Учитель, вы серьезно?

Фукутияма кивнул.

— Скажу тебе по секрету, был у нас такой же, кто решил отказаться. Так вот, сейчас он работает в привокзальной столовке, готовит лапшу, хотя признаться готовит он ее очень вкусной, — сказал он и начал собирать разбросанные по полу листы и письменные принадлежности.

Бамс! — раздалось у меня в голове. Это было настоящим падением с небес на земли. В самом деле, некоторое время назад я почувствовал себя, летящим где-то высоко в небе и оттуда взирающим на город подо мной.

Я размышлял, как мне поступить... выходит, что отказываться никак нельзя, если я и правда хочу устроиться работать в Компанию... Да... Ведь учитель что-то такое говорил... Точно!

Вновь я вскочил со стула и ударил ладонями по столу.

— Ты еще не успокоился? - насторожился учитель.

— Это правда?! То, что в этом году больше никаких наборов не будет?

Мужчина скрестил руки на груди и задумался.

— Не скажу, что это совершенно точно, но в колледже, по крайней мере, так говорили. Поэтому, скорее всего, ты будешь не единственным, кого нынешним годом отправят в службу безопасности.

Вот как... значит, ничего не поделаешь... Если хочешь устроиться в Компанию, то прохождение специальной стажировки обязательно. Хотя мне и не хочется... Но ради работы машиниста, наверное, стоит глядеть дальше и пройти это самое обучение в железнодорожных силах общественной безопасности.

— Как бы это сказать... — говорил учитель. — Силы общественной безопасности железных дорог — это ведь часть правосудия, поэтому не так все плохо. Кроме того... жизнь — это река, пока не войдешь в нее, ты ее не познаешь, но, получив опыт, ты обязательно сумеешь взяться за штурвал и плыть к тому, что ты хочешь... Это разве плохо?

Фукутияма хотел донести до меня нечто важное, но... «Простите, учитель, я ни черта не понял». Но я уже принял решение: я соглашусь. И эти слова учителя о чем-то хорошем не при чем.

— Учитель! Я понял вас! Спасибо! Я согласен! — сказал я.

Что же, иного выхода нет; раз получил приглашение.

И с улыбкой протянул обе руки.

— О-о, Такаяма! Наконец ты понял меня! - и крепко сжал руки в ответ.

— Да! Спасибо большое!

— О, вон как, я вижу.

Слова учителя были не при чем, я сам так решил. Пройдя ненавистное мне обучение в службе безопасности, я как-нибудь уж достигну своего местечка под крылышком государства. Ведь мой девиз: «Стараться изо всех сил ради будущего». И, чтобы стать машинистом, я сейчас готов побыть даже полицейским железных дорог.

- Но перед этим ты должен пройти подготовку... - говорил учитель.

«Пройдем! Пройдем!» — мысленно соглашался я.

Но на радостях я большую часть того, что объяснял учитель, так и не запомнил.

Я просто слушал.

<http://tl.rulate.ru/book/18008/368902>